

Трибуна молодого ученого

ИДЕИ «СВЯТОЙ РУСИ» И «ТРЕТЬЕГО РИМА» В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Бедяев Александр Иванович, преподаватель

Астраханское художественное училище (техникум) им. П.А. Власова
414040, Россия, г. Астрахань, ул. Академика Королева, 27
E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

Целью настоящей статьи является рассмотрение дискуссионных вопросов изучения идей «Святая Русь» и «Москва – Третий Рим» в истории русской культурно-исторической и философской мысли (С.М. Соловьёв, В.В. Зеньковский, А.Н. Бердяев, Н.С. Трубецкой, Б.А. Успенский, И.Н. Данилевский, М.Б. Плюханова, Н.В. Сеницына и др.). Задачами настоящей работы являются: рассмотрение времени и истоков появления этих идей, а также их связей между собой. Историкографический обзор позволяет признать исключительно религиозные корни этих формул, а также преемственную связь между ними. Автором использованы методы: описательный, сравнительно-исторический, общенаучные методы анализа и синтеза. В исследовании привлекаются работы, как уже ставшие классическими, так и работы современных авторов.

Ключевые слова: «Святая Русь», «Третий Рим», Русская земля, православие, мессианизм, национализм, исповедничество, Византия, Филофей, «движение святыни».

THE IDEAS OF «HOLY RUSSIA» AND THE «THIRD ROME» IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN CULTURAL-HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

Bedaev Alexander I., teacher

The Astrakhan art school (technical school) of Vlasov
27 Akademika Koroleva st., Astrakhan, 414040, Russia
E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

The aim of the article is the consideration of debating questions of studying of the ideas of «Holy Russia» and «Moscow – the Third Rome» in the history of Russian cultural, historical and philosophical thought (S.M. Solovyov, V.V. Zenkovsky, A.N. Berdyayev, N.S. Trubetskoy, B.A. Uspensky, I.N. Danilevsky, M.B. Plyukhanova, N.V. Sinitsyn, etc.). The tasks of this work are the consideration of time and sources of emergence of these ideas, and also their connection. Historiographic review can recognize the religious roots of these formulas, as well as the continuity between them. The author uses methods: descriptive, comparative and historical, scientific methods of analysis and synthesis. The study involves the works which have already become classics and the works by modern authors.

Keywords: «Holy Russia», «Third Rome», the Russian land, Orthodoxy, Messianism, Nationalism, Confession, Byzantium, Filofei, «sanctuary movement».

Время возникновения идей «Святой Руси» и «Третьего Рима», а также то содержание, которым наполняются эти известные формулы, вызывали в отечественной науке и философии разного рода сомнения и споры. Так, исследователями отмечаются русский национализм и претензии Руси-России на роль центра православного мира, а также претензии России к захвату Константинополя (Стамбула) и проливов в Средиземное море. Важно также отметить разницу во взглядах учёных относительно происхождения идей «Святой Руси» и «Третьего Рима». Если к вопросу о времени происхождения идеи «Москва-Третий Рим» подойти с позиции историка, то можно достаточно определённо назвать годы и имена, с этой идеей связанные. С мыслью о «Святой Руси» дело обстоит несколько иначе: например, В.В. Зеньковский связывает

появление идеи «Святой Руси» с мыслью «Москва – Третий Рим» [4, с. 53], Н.С. Трубецкой называет иной период истории и иные обстоятельства, вызвавшие к жизни эту идею. Если же рассуждать с позиции философской, можно утверждать, что идея «Святой Руси» и идея «Третьего Рима» – по сути, одна мысль, как бы двумя крыльями обнимающая русскую средневековую историю от начала её и до конца. Мысль эта изучалась в работах С.М. Соловьёва, Н.Ф. Каптерева, В.В. Зеньковского, А.Н. Бердяева, Г.П. Федотова, Н.С. Трубецкого, Б.А. Успенского, И.Н. Данилевского, М.Б. Плюхановой, Н.В. Сеницыной и др.

Н.А. Бердяев пишет: «Россия... страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу как гниль и исчадие дьявола, обречённое на гибель. (...) "Русское" и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия – "святая Русь"» [2, с. 20–21]. Н.А. Бердяев смеётся над национализмом русского человека, называя в этом смысле Россию «страной национального бахвальства». Однако, как видно из исследований А.Я. Гуревича, Б.А. Успенского, И.Н. Данилевского и М.Н. Виролайнен, подобное отношение «своего» определялось не каким-то особым националистическим духом, а вполне понятным отношением «свой – чужой», к тому же характерным не только для Древней Руси, но и для средневековой Западной Европы. Быть может только сила звучания этого мотива здесь ярче и выразительнее, чем это было на Западе. Нельзя забывать и то, откуда Русь приняла христианскую веру, и разделение церковей на западную и восточную, которое наметилось уже в VII в., и частые столкновения со своими западными соседями. В свете сказанного мысль о «Святой Руси» не может представляться нелогичной или какой-то слишком особенной. Скорее особенным здесь было другое.

Н.С. Трубецкой возводит появление понятия «Святая Русь» ко времени монголо-татарского ига. Им справедливо указывается тот мощный религиозный подъём, которым были охвачены все слои русского общества. Этот подъём во многом был связан с религиозной составляющей духовной жизни, но не только. Можно сказать, религиозное и национальное слились здесь в едином звучании. Говоря словами Н.С. Трубецкого: «Началась идеализация русского прошлого, не того недавнего удельного прошлого, теневые стороны которого, приведшие к поражению при Калке, были слишком очевидны, а прошлого более далекого» [7].

Анализируя русские духовные стихи, Г. П. Федотов пришёл к выводу: «Нет... христианской страны, которая не была бы для него (певца духовных стихов – прим. И.Н. Данилевского) "русской землей"» [3, с. 211]. К той же мысли пришёл и Н. Трубецкой: «Не отделяя быта и культуры от веры, а воспринимая и то, и другое, и третье как единое целое, бытовое исповедничество, именуемое православной верой, русские люди того времени ставили между понятиями "русский" и "православный" знак равенства. Языковые и физические признаки русской расы рассматривались ими как несущественные. Существенно для русского было только его православие...» [7]. Таким образом, по мысли Н.С. Трубецкого, под православием следует понимать особый жизненный уклад, который исследователь называет «бытовым исповедничеством» и, читая между строк, Русь, по самой принадлежности к этому укладу может называться святою.

И.Н. Данилевский обращает внимание на описание событий 6653/1145 г. в новгородском и южнорусском летописании. В Новгородской первой летописи старшего извода указывалось: «Томъ же лет ходиша вся Русска земля на Галиць...» (...) Подробнее этот поход описан в Ипатьевской летописи: «Всеволод съвокупи братью свою Игоря, и Святослава же остави в Киеве, а со Игоремъ иде к Галичю и съ Давыдовичема и съ Володимиромъ, съ Вячеславомъ Володимеричемъ, Изяславъ и Ростиславъ Мьстиславича, сыновча его, и Святослава поя, сына своего, и Болеслава Лядскаго князя, зятя своего, и Половци дикийи вси, и бысть многое множество вои, идоша к Галичю на Володимирка». По справедливому замечанию В.А. Кучкина, «если новгородский летописец имел в виду всех участников похода, тогда под его Русской землей нужно разуметь еще поляков и половцев» [3, с. 211]. Также исследователь отме-

чает, что в «Слове о погибели Земли Русской» и в «Списке городов» к «Земле Русской» следует присовокупить земли Болгарского царства, Литвы, Валахии... [3, с. 211].

Подводя итог сказанному, можно сказать, что выражение «Святая Русь», скорее всего, понималось как «Православная Русь» без всякой примеси какого-то особого национализма.

И.Н. Данилевский доказывает, что в домонгольской Руси отношение к Иерусалиму как к священному городу было совершенно необычным. Прекрасно известна тяга людей средневековья к паломничествам по святым местам. Исследователь обращает внимание на именование летописцем Чёрного моря Русским и противопоставляет ему эпизод Повести временных лет, где дружина Игоря отвечает князю: «Егда кто весть, кто одолеет: мы ли, оне ли? Ли с моремъ кто светень? – Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстеи: обьча смерть всемъ» [3, с. 212]. Далее автор задаёт риторический вопрос: мог ли летописец назвать море Русским если в летописи прямо сказано, что море для киевской дружины было неведомо и враждебно? Не логичнее ли предположить, что подобное название было дано летописцем потому, что оно было «освящено» посещением Андрея Первозванного? – «"по немуже училь" апостол Андрей» [3, с. 213]. Таким образом, Русская земля – святая земля. Не случайно поэтому на вопрос Кирика (XII в.) правильно ли он поступает, запрещая своей пастве идти в паломничество в Иерусалим, новгородский епископ Нифонт отвечает: «Велми... добро твориши» [3, с. 213]. Ответ вполне верный, если понимать Русь как Святую землю, а Киев – как Иерусалим. Отмечает автор и градостроительные особенности домонгольской Руси: строительство храма Святой Софии, монастырей св. Георгия и Ирины, что повторяет географию Константинополя. Эти и другие данные, приводимые автором, позволяют ему выдвинуть мысль о существовании в домонгольской Руси тезиса: Иерусалим – Константинополь – Киев. Данный тезис, как видно, очень напоминает другую известную концепцию – «Москва – Третий Рим».

Концепция «Москва – Третий Рим» получила широкую разработку в отечественной истории и философии. Первое упоминание мыслей, созвучных этой концепции, мы находим у В. С. Соловьёва, давшего ей суровую отповедь. Судьба этой концепции в русской исторической и философской мысли была в общем печальна. Дело в том, что эта формула стала широко известной в связи с событиями во второй половине XIX в. на Балканах и понималась как претензия России к захвату Константинополя (Стамбула) и проливов. Таким образом, изначально, формуле «Москва – Третий Рим» был придан политический оттенок. Впоследствии научная мысль колебалась от данной позиции к пониманию этой идеи как претензии на повышение престижа Москвы во вселенском православии, т. е. в принципе, работала в уже заданном – политическом русле.

Согласно распространённому взгляду идея «Третьего Рима» предполагает наследование Русью роли центра вселенского православия. Такой точки зрения придерживались В.С. Соловьёв, Н.Ф. Каптерев, Н.А. Бердяев и др.

По мысли В.С. Соловьёва, «Россия, принявшая православное христианство, из Византии, получила его в том виде, который оно имело там в X и XI вв.; вместе с православием она получила и византизм, т.е. смешение вечных и существенных форм Церкви с временными и случайными, вселенского предания с местным» [6, с. 27]. По мнению В.С. Соловьёва, Русь унаследовала от Византии вместе с «вселенским» «местное» и восприняла это последнее как «вселенское» в христианстве. Поэтому концепция «Москва – Третий Рим» для Руси по Соловьёву – это скорлупа, в которую заключила себя Русь, закрывшись от остального мира. Пётр I разбил эту скорлупу и явил Россию миру. В этой мысли воплотились враждебность России Западу и «исключительный национализм». Россия наследует от Византии не столько величие, сколько идею абсолютного государства, в том числе и идею подчинения Церкви светской власти. Важной была мысль В.С. Соловьёва о понимании падения Византии в смысле нравственном, а не политическом.

Г. Флоровский, рассматривал концепцию «Москва – Третий Рим» в рамках изучения «путей русского богословия», понимал её как пробуждение национально-политического самосознания с потребностью в свободе от Константинополя.

В.В. Зеньковский подчёркивал, что концепция «Москва – Третий Рим» была вызвана помимо подписания Флорентийской унии ещё и иными – внутренними причинами, точнее одной причиной. Исследователь говорит, что в России «теократическая тема христианства развивается (...) в сторону усвоения государственной власти священной миссии» [4, с. 50]. И далее: «точкой приложения Промысла Божия в истории является государственная власть – в этом вся "тайна" власти, её связь с мистической сферой» [4, с. 50]. Учёный отмечает, что всё это учение связывалось с пророчеством пророка Даниила о четырёх царствах, где говорится о царстве, воздвигнутом Богом, «которое во веки не разрушится, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» [4, с. 51]. Таким образом, это уже последнее царство. Когда-то эта мысль о последнем царстве связывалась церковными авторами с Византийским царством, в XVI в. русские церковные писатели связали её с царством Российским. Таким образом, на развитие идеи «Москва – Третий Рим» оказало прямое усвоение русской церковной мыслью идеи священной миссии царской власти.

Любопытны по этому поводу замечания Н.С. Трубецкого. Даже если не касаться особой миссии царской власти в плане эсхатологическом, как говорит Н.С. Трубецкой, отношение к государственной власти на Руси было особенным, опять же, религиозно окрашенным. Н.С. Трубецкой пишет: «...идеальный царь представлялся, с одной стороны, как ответчик за народ, как народный представитель пред Богом, с другой – как орудие проведения божественных велений в жизни нации, как помазанник Божий пред народом» [7]. Логично предположить, поэтому, что учение пророка Даниила о четырёх царствах, о которых упоминает В.В. Зеньковский, легло на, соответствующую тому, почву.

Касаясь идеи «Третьего Рима», Н.А. Бердяев писал: «Под символикой мессианской идеи Москвы – Третьего Рима» произошла острая национализация Церкви... Вселенское сознание было ослаблено в русской Церкви настолько, что на греческую церковь, от которой русский народ получил своё православие, перестали смотреть как на истинно православную Церковь, в ней начали видеть повреждение истинной веры» [5, с. 36].

Ф.И. Успенский усматривал в концепции «Москва – Третий Рим» значение государственно-правовое, полагая её фундаментом для притязаний на имперскость и исключительность власти московских государей. Примечательно, что учёный проводил здесь параллель между рассматриваемой концепцией и притязанием на имперскость государства Карла Великого, называя это притязание «фикцией», разработанной Алкуином и Эйнгардом.

Имеется в отечественной науке и иное отношение к рассматриваемой теме. Так, в Православном собеседнике в 1861–1863 гг. публикация текстов о «Третьем Риме» сопровождалась комментарием как идеи эсхатологической и историософской. Н. Ульянов усматривал в идее «Третьего Рима» религиозное содержание. П. Ниче отмечает преувеличение в отечественной историографии византийского влияния на Руси в XV в. и настаивает на отсутствии политического контекста в идее «Третьего Рима».

Н.В. Сеницына в своей монографии «Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)» (1998) поднимает несколько вопросов, обнаруживающих ряд противоречий в привычном понимании рассматриваемой концепции. Так, исследователь отмечает, что согласно устоявшимся представлениям Россия сразу после крушения Византии в 1453 г. начинает претендовать на её место. Таким образом, появление этой идеи должно относиться к 1453 г. Однако, наукой установлено, что послание Филофея к Мисюрю Мунехину (основное произведение «Филофеева цикла») относится к 1523–1524 гг. Кроме того, апеллирование к павшей Византии и претензия на её роль помимо славы Византии должно было быть и апелляцией к её греховности, что не соответствовало общей концепции. Ведь назови Рос-

сия себя наследницей Византии, сразу вставал вопрос о том, что было нечто, что привело последнюю к падению. Стало быть, если сама Византия не вечна, то и Россия, наследующая ей, не могла претендовать на нерушимость и вечность. Речь поэтому должна была идти о понимании России не как царства, а с л е д у ю щ е г о Византии, а царства, с л е д у ю щ е г о п о с л е Византии. Следует также отметить, что в послании Филофея мы не находим упоминаний собственно Византии или Константинополя. Речь здесь идёт о Риме. Это обстоятельство должно вывести нас за границы византиноцентристского образа мира. Русь претендует на строительство другой Византии – Ромейского царства, сама Русь – названа в Послании Ромейским царством, а не Русским, что подчёркивает принадлежность этой идеи («Москва – Третий Рим») к религиозному пониманию, а не политическому. Такому пониманию идеи «Третьего Рима» отвечает, по мнению автора, и выражение «два убо Рима падоша...» [6, с. 238], что означает падение в вере, а не что-либо другое. В связи с этим исследователь особо отмечает 90 лет, которые называет Филофей, касаясь времени разорения «Греческой земли»: «Девятьдесят лет, како Гречьское царство разорися и не созиждется, сиа вся случися грехъ ради наших, понеже они предаша православную греческую веру в латынство» [6, с. 227]. Отмеченные 90 лет важны для того, чтобы определить какой год должен считаться временем «разорения» Византии. При незначительном округлении, исходя из времени, когда было написано Послание, мы получаем 1439 г. (год подписания Флорентийской унии), а не захвата Константинополя турками.

Если относительно падения Византии ещё можно как-то опереться на суждение о подчинении туркам, то относительно падения Рима следует сказать тем более особо, что Рим в XV в. был всё-таки христианским. Н.В. Сеницына показывает, что для автора Послания сам факт «латынства», связанного с ересью, понимался как нечто греховное и потому не христианское.

Таким образом, «падение» у Филофея, как говорит учёный, следует понимать исключительно как падение в вере, а идея «Москва – Третий Рим» – расширенно, как идея единственного православного царства. Как видим, идея «Святой Руси» и «Третьего Рима» – в сущности, одна и та же идея.

В дополнение к сказанному следует сказать об изысканиях, проведённых М.Б. Плехановой. В монографии «Сюжеты и символы Московского царства» (1995) учёный отмечает мотив движения святыни, как характерный для средневековой русской литературы. Движение осуществляется святыней в соответствии с благочестием, пребывающим в том месте, где находится святыня. Так, Владимирская икона из Палестины перемещается в Царьград, затем – в Киев. Оттуда она движется во Владимир и затем – в Москву. Пока молитвами святых она удерживается в Москве, но готова её покинуть. Аналогичный пример – путешествие Лиддской (Тихвинской) иконы Божией Матери: Византия – Рим – Византия – Русь [5, с. 48]. Неудивительно поэтому, что идея преемства роли центра вселенского православия родилась на Руси.

В монографии проводятся интересные параллели между Василием Блаженным и Андреем Юродивым (согласно церковному преданию сподобился видения Пресвятой Богородицы во Влахернах, что связано с праздником Покрова) и покровским собором в Москве. Причём исследователь отмечает, что «Степенная книга», которая «соединяет все легенды о происхождении русских святынь в единые повествования» [5, с. 47], последней датой называет год освящения Покровского собора. Покровский собор строился как девятипрестольный, где соединялось несколько церквей. Главный престол был освящён в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Вскоре рядом с ним была основана ещё одна церковь – в честь Василия Блаженного. От этой церкви Покровский собор получил новое название. Автор пишет: «Покровский собор и "Степенная книга" – идеальные изображения Московского царства как царства-града-Иерусалима, скопления святости, святых и святынь. Над градом, созерцаемая блаженным юродивым, простирает свой покров Богородица» [5, с. 47].

Трудно не согласиться с автором, когда она пишет, что «как таковая, формула Филофея стоит в ряду других подобных формул – "Москва – Новый Иерусалим", "Москва – Новый Царьград", "Новый Киев" и пр. и должна рассматриваться вместе с ними» [5, с. 19].

По мнению аксиолога Л.В. Баевой, формирование ценностей-символов средневековой Руси начинается еще с митрополита Илариона, который в «Слове о Законе и Благодати» впервые выразил идею уникальной духовно-нравственной специфики Руси. Именно эта традиция во многом была продолжена в дальнейшем в становлении идеи «Святой Руси» и концепции «Москва – Третий Рим», оказав влияние на последующую культурно-философскую мысль и складывание идей-символов древнерусской ментальности: «Троицы как триединства Истины, Добра и Красоты («Моления Даниила Заточника», Епифаний Премудрый, А. Рублев), Софии Премудрости (Дионисий Ареопагит), Святой Руси (Иларион, Филофей)» [1, с. 51].

Таким образом, исходя из всего сказанного, можно сделать следующие выводы: 1) в идее «Святой Руси» нельзя усматривать какой-то особенный национализм: возможно, выражение «Святая Русь» понималось как «Православная Русь», а православие на Руси, возможно, понималось как бытовое исповедничество; 2) формула «Иерусалим – Константинополь – Киев» – формула, предшествующая концепции «Москва – Третий Рим»; 3) время зарождения идеи «Святой Руси» в отечественных исследованиях четко не установлено, однако, в современных исследованиях имеется мысль о том, что Русь приняла эту идею ещё в домонгольский период; 4) в свете современных исследований концепция «Москва – Третий Рим» понимается как исключительно религиозная идея, лишённая каких-либо политических или иных притязаний.

Список литературы

1. Баева Л. В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории / Л. В. Баева. – Астрахань, 2004. – С. 277.
2. Бердяев Н. А. Судьба России: Книга статей / Н. А. Бердяев. – Москва : Эксмо, 2007. – С. 640.
3. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / Институт всеобщей истории РАН / И. Н. Данилевский. – Москва : Аспект-Пресс, 2004. – С. 370.
4. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – Т. 1. – С. 544.
5. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства / М. Б. Плюханова. – Санкт-Петербург : Акрополь, 1995. – С. 336.
6. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н. В. Синицына. – Москва : Индрик, 1998. – С. 416.
7. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой. – Москва, 1999. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/trubeckoy/trubeckoynsvzglyadna/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

References

1. Baeva L.V. *Tsennosti izmenyayushchegosya mira: Ekzistentsialnaya aksiologiya istorii*. Astrakhan, 2004, p. 277.
2. Berdyayev N.A. *Sudba Rossii: Kniga statey*. Moscow: Eksmo, 2007, p. 640.
3. Danilevskiy I.N. *Povest vremennykh let: germeneyticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov*. Institut vseobshchey istorii RAN. Moscow: Aspekt-Press, 2004, p. 370.
4. Zenkovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii*. Rostov on Don: Feniks, 1999, vol. 1, p. 544.
5. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva*. St. Petersburg: Akropol, 1995, p. 336.
6. Sinitsyna N.V. *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)*. Moscow: Indrik, 1998, p. 416.
7. Trubetskoy N.S. *Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka*. Moscow, 1999. Available at: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/trubeckoy/trubeckoynsvzglyadna>.

ЦЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Бекижева Дина Ибрагимовна, аспирант

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск)
369000, Россия, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36
E-mail: kuliabceva@mail.ru

Ориентируясь на смысл и стремясь к ценностям, человек подчиняется императивам нравственности и духовности, обладает свободой выбора и способностью предвидеть последствия своего поведения. Это фундамент универсальной основы человеческого рода при всех социальных, культурных и индивидуальных различиях между конкретными людьми и их объединениями. С позиций высших ценностей: добра, истины, справедливости легитимируется деятельность всех общественных институтов, а создание, распространение и интерпретация ценностей должно являться их главной задачей. В современном обществе разнообразие интересов определяет деятельность многообразных и разноплановых общественных организаций, в том числе женских. Для реального участия и влияния по процессу принятия политических решений им необходимо выявлять спектр существующих мнений, обобщать и сводить их к небольшому перечню политических альтернатив.

Ключевые слова: ценности, гражданское общество, общественные женские организации.

VALUES IN POLITICAL ACTIVITY OF WOMEN'S PUBLIC ORGANIZATIONS

Bekizheva Dina I., postgraduate student

North Caucasian State Humanitarian and Technological Academy (Cherkessk)
36 Stavropolskaya st., Cherkessk, 369000, Russia
E-mail: kuliabceva@mail.ru

Being guided by sense and aspiring to values, the person submits to moral and spirituality imperatives, possesses a freedom of choice and ability to expect a consequence of the behavior. It is the base of a universal basis of mankind at all social, cultural and individual distinctions between specific people. From positions of the supreme values: good, truth, justice – it is legalized activity of all public institutes, and creation, distribution and interpretation of values should be their main task. In modern society a variety of interests defines activity diverse and versatile public the organization, including female. For real participation and influence on process of adoption of political decisions it is necessary for them to reveal a range of existing opinions, to generalize and reduce them to the small list of political alternatives.

Keywords: Values, Civil society, Public women's organizations.

Гражданское общество – это не только общество самостоятельных людей, обладающих высокой степенью личностной автономии, но и общество талантливых и творческих людей, способных продуцировать социальные инновации, направленные на улучшение условий их собственной жизни. Оно создает благоприятную среду для реализации творческой энергии и социальных инициатив каждого человека, способного к самодеятельности. В парадигме общественной самодеятельности принципиально изменяется взгляд на российского человека как субъекта гражданского общества: из пассивного существа, нуждающегося в социальной помощи и организующем начале, он «превращается» в реального или потенциального носителя социально значимого качества (таланта, дарования, изобретения, проекта, инициативы, интересного дела, уникального опыта и т.д.), которое может быть востребовано обществом; в процессе актуализации этого качества происходит открытие и «рождение» новой личности человека, приобретение его к историческому опыту и возвышение на уровень родовых интересов всего человечества. Традиционный взгляд на гражданское общество находится в плену «знаниевого» подхода, который оперирует реальностями только двух типов: «реальность – как – объект» (мир объективных последствий) и «реальность – как – знание – об – объекте» (мир знаний и намерений). Поэтому мы имеем дело обычно с различными образами гражданского общества, которые трудно